

О.А. Оберемко
КАК МЫСЛИТСЯ «ХОРОШАЯ ШКОЛА»: РЕКОНСТРУКЦИЯ ПО ОТВЕТАМ
НА ОТКРЫТЫЕ ВОПРОСЫ

ОБЕРЕМКО Олег Алексеевич – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доцент кафедры методов сбора и анализа социологической информации, кандидат социологических наук. E-mail: ooberemko@hse.ru

Аннотация: В статье проанализирована коммуникативная ситуация, возникшая вокруг конкретного открытого вопроса в ходе одного из omnibusов ВЦИОМа 2008 г. На основе первичных данных показано, как спроектированный вопрос трансформируется в ходе действительной коммуникации между интервьюером и респондентом. Реконструированы формулировки вопросов, на которые респонденты действительно отвечали, и сформулированы рекомендации по фиксации первичных данных интервьюером.

В статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 11-01-0154, реализованного в рамках программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012–2013 гг.

Ключевые слова: вопросно-ответная коммуникация, открытые вопросы, реконструкция вопросов по ответам, массовые опросы.

Введение

Открытый вопрос является *единственным* социологическим инструментом, позволяющим получить систематические сведения о распространенности в крупных популяциях разных способов концептуализации значимых социальных объектов на объемных выборках; получить сведения «о реальности с точки зрения респондента» [3, р. 235]. Разумеется, открытые вопросы могут задаваться и для иных целей, но именно в указанной перспективе в настоящем тексте анализируется коммуникативная ситуация, возникающая в ходе массового опроса.

В качестве примера для анализа из национального omnibusа ВЦИОМа (http://www.socpolitika.ru/rus/social_policy_research/applied_research/document8776.shtml) взят вопрос о критериях «хорошей школы»:

Как Вы считаете, каким главным требованиям должна отвечать школа, чтобы ее можно было назвать хорошей?

По матрице данных можно предположить, что инструкция предписывала интервьюеру поощрять респондента называть как можно больше основных требований и фиксировать основные смыслы сказанного. Зафиксированные ответы затем дробились на высказывания так, чтобы каждое содержало только одно основное требование.

Поводом к анализу коммуникативной ситуации послужило сделанное во время работы с массивом наблюдение о том, что не все высказывания одинаково легко отнести к реакциям, которые могут быть получены непосредственно на стимул вопроса. Возникла идея реконструировать по имеющимся высказываниям формулировки вопросов, на которые респонденты в действительности давали свои ответы.

Для простоты мы будем наивно исходить из уверенности в ряде посылок: все интервью происходят единообразно в соответствии с инструкцией и конвенциональными нормами публичного общения; все респонденты адекватно понимают вопрос¹; все интервьюеры адекватно понимают ответы респондента и аккуратно его фиксируют; аналитик без искажений находит в массиве данных ответ респондента.

Подобная реконструкция может решить следующие методические задачи:

- 1 Показать, как спроектированный вопрос трансформируется в ходе действительной коммуникации между интервьюером и респондентом; выявляет репертуар отклонений от проекта коммуникации.
- 2 Обоснованно удалять из массива данных неадекватные ответы — соответствующие вопросам с иными коммуникативными заданиями.
- 3 Сформулировать эмпирически обоснованные инструкции интервьюеру по фиксации первичных данных.

Реконструкция содержит только простые операции, в принципе, доступные любому участнику повседневных диалогов:

- 1 движение от спроектированного вопроса: установление (подбор) типичных моделей ответов, адекватных вопросу (а) по синтаксису, (б) по семантике;
- 2 проговаривание спроектированного вопроса и конкретного ответа — для установления соответствия последнего спроектированному вопросу;
- 3 при установлении несоответствия восстановление вариантов вопроса по ответу с соблюдением принципов достаточности информации, релевантности и ясности Г.П. Грайса [1].

В обычном разговоре по заданному вопросу определяют характер ожидаемого ответа, а в реконструкции используется и обратный путь: по ответу реконструируется вопрос, на который был дан ответ.

1. Ответы на вопросы, близкие к оригиналу

1.1. Ответы на ядро оригинального вопроса

Важнейшая актуальная задача проектировщика вопросов — не допустить перед респондентом трудностей, чтобы тот не уклонился от ответа. В формулировке любого вопроса вопрошающий предоставляет вопрошаемому схему возможного ответа и отдельные слова, которые надо слегка трансформировать:

- *Как Вас зовут?*
- *Меня зовут **Имярек**.*

¹ Однозначное понимание анализируемого вопроса обусловила предшествующая батарея из 6 стандартных вопросов о том, как семья респондента выбирала школу для своего ребенка.

«Зовут» везде «зовут», «Вас» поменять на «меня», «как» поменять на имя: думать особо не над чем. Допустим и короткий ответ: **Имярек**. Его полное значение тождественно полному ответу:

— [Меня зовут]² **Имярек**

Предвосхищая итоги анализа, скажем, что коммуникативная специфика исследуемого вопроса заключается в следующем: буквальное следование его логике порождает (синтаксически) корректные ответы ни о чем (семантически бедные ответы); выражение содержательно богатого мнения требует отказа от заданной вопросом схемы вопросно-ответной коммуникации. Неповторный респондент вынужден формулировать ответ самостоятельно, с «чистого листа». Дело в том, у инерционного продолжения ядра вопроса «*каким должна отвечать требованиям...*» всего два синтаксически корректных содержательных варианта. Респондент может употребить:

- 1 определение к слову «требованиям»: например, *требованиям современным, строгим* и т.п.;
- 2 существительное в родительном падеже, выражающее агента требований либо в виде обобщения: *требованиям современности, практики, вузовского образования* и т.п., либо в виде конкретизации: *требованиям родителей* и т.п.

Эти возможности были реализованы не более чем в 2% высказываний:

- 1 **соответствовала** современным требованиям; завышенные требования; строгие требования³;
- 2 **отвечают** технике безопасности [т.е. требованиям техники безопасности]; требования учителей (2 раза); **выполнение** требований родителей и детей.

Выделенные слова «**соответствовала**» и «**выполнение**» синонимичны по значению предикату вопроса «**отвечать**»; в этих примерах нет семантических смещений от оригинального вопроса.

А вот три другие высказывания похожи на такие попытки продолжить фразу «*должна отвечать требованиям...*», которые привели к семантическому сдвигу:

Оригинальный вопрос: Как Вы считаете, каким главным **требованиям** должна **отвечать** школа, чтобы ее можно было назвать хорошей?

Ответы: [Чтобы школу можно было назвать хорошей, она должна]:

- [предъявлять] требования к знаниям и поведению учеников;
- [предъявлять] требования к преподавательскому составу;
- [предъявлять] к учителям больше требований.

Оригинальный вопрос выражает *ожидание* того, что ответ будет содержать (а) идею *соответствия* неким требованиям и (б) раскрытие того, что это за требования.

² В квадратных скобках показано, что не сказано, но подразумевается.

³ Замену датива на номинатив, т.е. упрощение синтаксиса ответа, по-видимому, следует считать обычной для фиксации интервьюерами открытых вопросов.

Однако в ответе идею *соответствия* сменила идея *предъявления требований*. Объект требований сменился субъектом требований: школа должна не сама соответствовать, а предъявлять требования на соответствие другим.

Если перечитать все прямые ответы на оригинальный вопрос, станет очевидно:

- 1 пространство *хорошей школы* рисуется как пространство предъявляемых участниками взаимных требований;
- 2 признаки, за счет которых школа может быть/стать хорошей, даются неконкретно.

Можно сказать, что прямые ответы на оригинальный вопрос семантически бедны, неинформативны.

Обратимся к ответам разных типов и попробуем по ним реконструировать вопросы, на которые *действительно* отвечали респонденты⁴. Важнейший принцип такой реконструкции – не менять синтаксическую структуру реплики и под нее подгонять и реконструируемый вопрос, и реконструируемую начальную часть реплики. Проще всего это делать, когда сама реплика содержит *легко заметные маркеры* специфической синтаксической функции; именно с простых, синтаксически маркированных реплик целесообразно разбирать «завалы» ответов на открытые вопросы.

1.2. «Надо чтобы...»: ответы на «хвост» оригинального вопроса

Заметная доля высказываний (6,9%), начинающихся союзом «чтобы», давалась не на ядро вопроса, а на его окончание, «хвост»:

Оригинальный вопрос: Как Вы считаете, каким главным требованиям должна отвечать **школа, чтобы ее можно было назвать хорошей?**

Ответы: [*Чтобы школу можно было назвать хорошей, надо*]

- чтобы в школе были учителя с высокой квалификацией;
- чтобы детей учили качественно;
- чтобы дети могли поступать в вузы и др.

Отличительные маркеры этой конструкции – союз «чтобы» и личные глаголы в сослагательном наклонении (совпадающие по форме с прошедшим временем). Когда интервьюеры «экономят» и не фиксируют союз «чтобы», из маркеров конструкции остается только личный глагол в прошедшем времени:

Оригинальный вопрос: Как Вы считаете, каким главным требованиям должна отвечать **школа, чтобы ее можно было назвать хорошей?**

Ответы: [*Чтобы школу можно было назвать хорошей, надо*]

- [**чтобы в ней**] знания давали хорошие;
- [**чтобы в ней**] коррупционности не было;
- [**чтобы в ней сын/внук**] знания получал.

Такая конструкция дает респонденту гораздо более широкие возможности для семантически насыщенных ответов.

⁴ Или реконструируем те вопросы, ответы на которые *действительно* фиксировали интервьюеры.

1.3. «Что должно быть в школе»: ответы на смысл оригинального вопроса

Существенную долю высказываний (7,2%) с маркером «должен + инфинитив» представляют ответы не на ядро вопроса, а на ядро ядра вопроса – на предикат «должна». Выбор из ядра только одного слова, отбрасывание «лишних слов» также повышают степень свободы респондента. Так что это еще один способ ухода от трудности вопроса.

Можно разделить фразы на две группы: (1) где подлежащим выступает школа в целом и (2) где подлежащее представляют отдельные участники школьного процесса. В каждом случае формулировку оригинального вопроса приходится модифицировать:

(1) Подлежащее – «школа»:

Вопрос: [Что **должна с/делать** школа, чтобы ее можно было назвать хорошей?]

Ответ: [Хорошая школа]: должна в первую очередь давать знания.

(2) Подлежащее – отдельные участники школьного процесса:

Вопрос: Что **должно делаться** в школе, чтобы ее можно было назвать хорошей?

Что в хорошей школе должны делать учителя/должно делать руководство?

Ответы: [В хорошей школе]:

- учителя должны одинаково относиться ко всем детям;
- руководство должно помогать молодым специалистам;
- дети должны учиться с удовольствием.

Семантически тождественными выглядит группа ответов, где из пары маркеров «должен + инфинитив» имеется только инфинитив:

Вопрос: [Что **должна с/делать** школа, чтобы ее можно было назвать хорошей?]

Ответ: [Хорошая школа должна]: уделять внимание духовному развитию.

Отсутствие лично маркированного предиката делает невозможным однозначно восстановить заданный вопрос по ответу.

1.4. Желание изменений

Появление в ответах идеи долженствования (требования, должны, надо) объясняется ее присутствием в вопросе. Однако до сих пор долженствование означало констатацию обязательного признака хорошей школы. Оригинальный вопрос ставит респондента в ситуацию, в которой перед ним как бы раскладывается множество школ и предлагается назвать, отсортировать хорошие школы от плохих.

Однако по семантическим маркерам в особую группу выделяются ответы, которые содержат не описание хорошей школы вообще, а желание что-то изменить в конкретной школе (1,7%), чтобы ее можно было назвать хорошей. Базовый вопрос для таких ответов может звучать так:

Вопрос: [Что надо изменить/сделать, чтобы школа стала хорошей?]

Ответы: [Чтобы школа стала хорошей, надо]

- [сделать так, чтобы родителям надо было] поменьше платить на нужды;
- чтобы школа была более демократичной;
- повысить квалификацию преподавателей;
- создать здоровьесберегающие условия для обучения детей;
- чтобы было [в смысле стало] как раньше.

Трудность в том, что синтаксические маркеры четвертого типа ответов такие же, как и у типов 2 и 3: «надо, чтобы...» и «должен + инфинитив». Мы столкнулись с синтаксической синонимией.

1.5. Синтаксическая синонимия

Подавляющее большинство примеров, отнесенных к типам 2 и 3, допускают двойную интерпретацию: и как констатация важного признака хорошей школы, и как пожелание изменений. Рассмотрим это обстоятельство на примерах с отрицанием, которое можно интерпретировать как однозначный маркер *желаемого изменения, прекращения*:

- чтобы не было конфликтов [= надо прекратить имеющиеся конфликты];
- чтобы не обзывали детей [= надо прекратить обзывать детей];
- [чтобы] коррумпированности не было [= надо побороть коррупцию].

Однако все перечисленные примеры можно интерпретировать и как *констатацию необходимости сохранять, поддерживать, воспроизводить имеющийся признак* (статус-кво) и ничего не менять:

- чтобы не было конфликтов [= надо и впредь не допускать конфликты];
- чтобы не обзывали детей [= надо продолжать не обзывать детей];
- [чтобы] коррумпированности не было [= надо не допускать коррупцию].

Если это рассуждение верно для высказываний с отрицанием, потенциально несущим значение изменений, это тем более верно для высказываний без отрицания.

2. Трансформации оригинального вопроса

Ниже пойдут примеры еще более существенных трансформаций оригинального вопроса.

2.1. Отличительный признак

Высказывания, в которых главным словом является существительное в творительном падеже, возможны в рамках диалога об *отличиях хорошей школы* (от плохой и средней):

Вопрос: [Как Вы считаете, чем отличается хорошая школа (от плохой)?]

Ответы: [Хорошая школа отличается (от плохой)]

- добротой учителей;
- качеством образования;
- лаской учителей.

Существительное в творительном падеже, управляемое глаголом «отличаться», и является маркером этого типа (1,2%).

2.2. Общая характеристика: какая школа хорошая?

Ответы, в качестве маркеров включающие *прилагательные и причастия в именительном падеже*, определяющие подразумеваемое или озвученное слово «школа» (3,7%), соответствуют следующей реализации диалога:

Вопрос: Какая школа [есть] хорошая?

Ответы: [Хорошая школа [есть]]

- чистая, уютная;
- школа небольшая.

Эти ответы определяют *всю школу целиком*, чему способствует (опущенная) глагол-связка *есть*.

2.3. Школа какместилище признаков: что происходит?

До сих пор среди констатирующих конструкций мы имели только такие, в которых школа была подлежащим, субъектом, которому целиком свойственны артикулируемые признаки. Однако «школа» может оказываться и местом, где *что-то имеется, происходит и делается* (0,8%).

Вопрос: [Что есть/сделано/делается в хорошей школе?]

Ответы: [В хорошей школе]

- есть компьютеры;
- к детям [есть] хорошее отношение;
- проведен хороший ремонт;
- педагоги любят детей.

Перевод «школы» из подлежащих в обстоятельство места убирает все воображимые синтаксические барьеры для формулирования распространенных предложений с любым субъектом (важным участником школьного процесса), с любым глаголом (важным для школьного процесса действием), любым объектом (важным для школьного процесса) и т.п. Чтобы не перегружать текст новыми примерами, можно пересмотреть все примеры о долженствовании, трансформировав их сказуемые в действительный залог настоящего времени.

3. Не вошедшие в данную классификацию

3.1. Немаркированные номинативные группы

Подавляющее большинство реплик (76%) оформлено в виде номинативных групп, которые представлены либо единственным словом – существительным:

- безопасность; дисциплина; образование и др.;
- либо группой слов с главным (управляющим остальными словами) существительным:
 - авторитет учителей; бесплатное образование; внимательное отношение учителей к детям *из неблагополучных семей* и др.

Главное (и иногда единственное) слово – существительное – стоит в именительном падеже, что дает мало шансов для обоснованной реконструкции специфических форм вопроса.

Эти назывные группы, по-видимому, можно считать высшим достижением кооперации между интервьюером и респондентом. Итоги кооперации таковы:

- 1 получен ответ, в котором отражен исследовательский вопрос – что именно интересует исследователя: *о важнейших признаках хорошей школы*;
- 2 на пути к этому ответу обеими сторонами было переосмыслено и преодолено неудобство спроектированного вопроса, что проявилось в полном отсутствии его следов – синтаксических и лексических.

Конечно, без электронной фиксации беседы аналитик не узнает, чья больше заслуга – интервьюера или респондента – в изживании из ответов следов неудобного вопроса, а заодно и всех маркеров, которые могли бы позволить реконструировать по ответу специфическую формулировку вопроса. Мы имеем только результат: респондент ответил так, что интервьюер смог зафиксировать простейший для понимания ответ в качестве *важнейшего признака хорошей школы*, выраженного номинативной группой. Если у нас нет специфических маркеров, нам остается предложить репертуар вопросов, на которые возможно давать немаркированные ответы.

Чтобы в качестве ответа можно было получить существительное в именительном (общем) падеже, на русском языке вопрос должен задаваться к подлежащему. Выбор вариантов вопросительного слова для открытого вопроса небогат: *что? кто?* или объединяющий *что или кто?* Прделанная выше работа подсказывает следующие варианты:

Вопросы:

- *Что должно быть/иметься в хорошей школе?*
- *Что есть/имеется в хорошей школе?*

Высокий авторитет учителя, хорошая успеваемость, разносторонняя библиотека, хороший педколлектив, современное оборудование...

Однако эта реконструкция подходит не ко всем репликам, а только к тем, где, как в приведенных примерах, у выражающих признак существительных есть определители, обозначающие степень интенсивности признака: *высокий (авторитет), хороший (педколлектив), современное (оборудование)*.

Тонкость заключается в том, что база данных содержит большую долю (26,5%) многократно повторяющихся реплик, в которых отсутствуют маркеры высокой степени интенсивности выраженного признака:

- *Что должно быть/иметься в хорошей школе?*
- *Педагогический состав, дисциплина, знания, авторитет, оборудование...*

Без маркеров степени реконструированный диалог выглядят странновато. Ведь все перечисленные признаки (компоненты) есть в любой (и плохой) школе: *педагоги, дисциплина, знания, оборудование*. Только педагогический состав может быть не хорошим, а средним, авторитет – не высоким, а низким, оборудование – не хорошим, а так себе...

Отсутствие маркеров, в принципе, можно объяснить экономией интервьюеров, которые опускали позитивно нагруженные определения как избыточные: ведь если респондент в контексте разговора о хорошей школе упоминает педколлектив, значит, он по

определению имеет в виду *хороший* педколлектив, если упоминает оборудование, значит, подразумевает *хорошее* оборудование и т.п.

Минус этого правдоподобного объяснения в его относительной сложности. Гораздо проще предположить, что существительные без определений фиксировались в качестве ответов на иной вопрос:

- Что или кто отличает хорошую школу (от плохой)?
- Авторитет учителей, педколлектив, оборудование, охрана, порядок...

При ответе на этот вопрос указания на степень интенсивности выраженного признака оказываются если не избыточными, то уж точно необязательными. Если интервьюер полагает, что исследователя интересуют только частота называемых главных признаков (без изысканных различий между опативами и констатациями), тогда, зафиксировав одинокое существительное, интервьюер может гордиться выполненной задачей, тем более что своей краткостью он упростил работу на этапе кодирования. Правда, такое упрощение делает невозможным использовать сильную сторону открытого вопроса в получении «информации о реальности с точки зрения респондента» [3].

Таким образом, внутри группы минимально маркированных ответов мы получаем возможность, хотя бы в режиме не подтвержденной гипотезы, на треть снизить уровень неопределенности.

3.2. Семантические сдвиги

Критерием качества реконструкции диалогов выступает взаимное содержательное соответствие между вопросом и ответами в их буквальном прочтении. В принципе респондент в каждый момент беседы может отвечать не на заданный вопрос, а на какой-то иной: заданный ранее, предчувствуемый последующий вопрос и даже на вопрос, который вообще не был и не будет задан. Кто же лишит респондента права озвучивать то, что приходит ему в голову во время беседы, т. е. отвечать неадекватно!?

К неадекватным были отнесены следующие ответы:

- 1 *класс хороший; хорошо подобранный класс*: скорее ответы на иной вопрос: при каких условиях ребенку в школе учиться приятно (комфортно, продуктивно...)? Иными словами, в качестве ответа зафиксированы не признаки хорошей школы, а признаки другого объекта;
- 2 *в университеты для преподавателей должны поступать одни из самых лучших, а не те, которые не смогли поступить в другие университеты*: скорее ответ на иной вопрос: что нужно сделать в обществе, чтобы повысить уровень школ, или чтобы стало больше хороших школ;
- 3 *источник знания, света и добра*: этот ответ адекватен общему смыслу вопроса, но признан не адекватным предметному стилю общения в массовом опросе (стиль то ли романтически возвышен, то ли откровенно демагогичен);
- 4 *должна быть хорошей во всех отношениях*: проинтерпретирован как отказ от предметного ответа;
- 5 *социальный заказ государства*: ответ проинтерпретирован как непонятный.

Очевидно, что ни один из перечисленных ответов не содержит признаков *хорошей школы* – не является ожидаемым ответом на вопрос из гйда, а является ответом на вопрос совершенно иного коммуникативного задания.

За малым исключением, все приведенные формулировки отражают примерно сходное содержание: *какие отличительные признаки имеет хорошая школа*.

Итоги

О последствиях коммуникативной неудобности спроектированного вопроса. На вопрос по знакомой для всех теме и не требующий специальных компетенций ответили 25% из 1599 опрошенных; собрано 759 реплик, содержащих по одному признаку хорошей школы, так что на каждого из ответивших в среднем пришлось менее двух признаков.

Не более 2% реплик можно отнести к прямым ответам на спроектированный вопрос; но даже среди них наблюдаются семантические смещения от коммуникативного задания вопроса. Неадекватные ответы составили около 1%. Все остальные реплики соответствуют более или менее сильным трансформациям исходной формулировки вопроса.

Однако, учитывая, что при формулировании 97% реплик респонденты не отказались от ответа и сделали усилия по преодолению коммуникативной неудобности спроектированного вопроса, можно предположить, что мы имеем дело с мнениями заинтересованных в предмете, сведущих людей, а не с псевдомнениями⁵, доля которых в массовых опросах оценивается в 25–35% [4, 5].

О коммуникативной неудобности спроектированного вопроса. В формулировке вопроса выявились две трудности. (1) У инерционного продолжения ядра вопроса «*каким должна отвечать требованиям...*» всего два синтаксически корректных варианта, реализация которых дает семантически бедные, неинформативные ответы. Иными словами, респондент, добросовестно принимающий правила опроса и пытающийся ответить строго на заданный вопрос, обрекает себя на существенные семантические и синтаксические ограничения. Покладистому респонденту трудно емко выразить свое мнение. (2) Вопрос венчает не та фраза, на которую собственно и ожидается ответ от респондента, а поясняющая фраза, которая не предполагает реакции. Такой порядок требует от респондента дополнительных когнитивных усилий при формировании ответа.

О регистрации ответов на открытый вопрос. У половины зафиксированных ответов не оказалось маркеров, которые бы позволили обоснованно восстановить вопрос, на который действительно отвечал респондент. Применительно к проанализированному вопросу список обязательных для фиксирования маркеров при их появлении в речи получился следующим:

- «отвечать требованиям»;
- «надо чтобы + глагол в прошедшем времени»;
- «должен в личной форме + инфинитив»;
- «отличается», «отличает»;
- подразумеваемая глагол-связка «есть».

Кроме того, сформулированы два общих правила:

⁵ Псевдомнением называется высказанное мнение на тему, по которой отвечающей не имеет твердой позиции, например, ввиду незнакомства с предложенной для суждения темой. Речь идет не об объективной истинности или ложности мнения, а о хоть каком-нибудь твердом мнении, пусть даже признаваемом экспертами ложным [2].

- при озвучивании идеи долженствования (надо, должны и т.п.) уточнять, имеет ли респондент в виду необходимое улучшение в конкретной школе или говорит в общем;
- не допускать так называемого нормирования изменяемых частей речи, т.е. приведения к общему (именительному) падежу имен и к неопределенной форме глаголов; фиксировать форму, используемую респондентом;
- в развернутых репликах фиксировать основные члены предложений, а также прилагательные и наречия, (вроде бы банально) обозначающие качество и интенсивность признака: хороший, сильный и т.п.

О формулировках задаваемого вопроса. Если мы хотим получить сведения «о реальности с точки зрения респондента», т.е. получить развернутый ответ, нет нужды придерживаться одной-единственной формулировки вопроса для всех. Можно отобрать для озвучивания «облачко» из 2–3 работающих вопросов, которые будут соответствовать конкретной задаче исследования, оставив выбор вопроса для ответа за респондентом.

Литература

- 1 Грайс Г. П. Логика и речевое общение //Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. XVI. URL: <http://kant.narod.ru/grice.htm>.
- 2 Плаус С. Психология оценки и принятия решений : пер. с англ. М. : Филинь, 1998.
- 3 Montgomery A. C., Crittenden K. S. Improving coding reliability for open-ended questions //The Public Opinion Quarterly. 1977. Vol. 41. Nr 2.
- 4 Pseudo-opinions on public affairs/Bishop G. F., Oldendick R. W., Tuchfarber A. J., Bennett S. E. //Public Opinion Quarterly. 1980. Vol. 44. Nr 2. P. 198–209.
- 5 Schuman H., Pressor S. Questions and answers in attitude surveys : experiments on question form, wording, and context. Orlando, FL: Academic Press, 1981